

Борис Божнев

Вниз по мачехе,
по Сене

Парижские
стихотворения
1920-х годов

Борис Божнев

**«Вниз по Мачехе, по
Сене». Парижские
стихотворения 1920-х годов**

«Ад Маргинем Пресс»

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5

Божнев Б. Б.

«Вниз по Мачехе, по Сене». Парижские стихотворения 1920-х годов / Б. Б. Божнев — «Ад Маргинем Пресс»,

ISBN 978-5-91103-885-4

Борис Борисович Божнев (1898–1969) – один из наиболее оригинальных поэтов русского зарубежья, представитель младшего поколения первой волны эмиграции, идейный наследник французских «проклятых поэтов» и русских философских лириков. Божнев увлекался также музыкой и рисованием, занимался самиздатом. Он приятельствовал с французскими авангардистами и русскими социалистами-эмигрантами. В настоящее издание вошли избранные сочинения периода поэтического расцвета автора – произведения, написанные в 1920-е годы в Париже. Божнев и его лирический герой, погруженные в напряженную общественную атмосферу современности, инфицированы лихорадкой городской суеты. Переживая кризис сознания, они во всей полноте ощущают полифоническую сущность восприятия мира. Некоторые стихотворения и циклы печатаются впервые по автографам из Отдела рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5

ISBN 978-5-91103-885-4

© Божнев Б. Б.
© Ад Маргинем Пресс

Содержание

Константин Львов	6
1	10
Стихотворения из книг «Обиды» и «Ежедневник»	13
2	13
3	14
4	15
5	16
6	17
7	18
8	19
9	20
10	21
11	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Борис Божнев
«Вниз по мачехе, по Сене»
Парижские стихотворения 1920 – х годов
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2025

Утверждено к печати Ученым советом Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук.

Рецензенты:

И. Б. Делекторская, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. Ю. Б. Орлицкий, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Учебно-научная лаборатория мандельштамоведения, Институт филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета.

В книге использованы материалы Отдела рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

Составитель Константин Львов

Константин Львов Объективный коррелят

Когда Томас С. Элиот придумывал термин «объективный коррелят», он, скорее всего, и не подозревал о существовании Бориса Божнева (1898–1969), «поэта без биографии», к творчеству которого теория Элиота очень уместна и применима.

Борис Божнев родился в 1898 году в Ревеле, в семье педагога Василия Божнева. Вскоре семья переехала в Петербург, а когда мальчику было три года, отец умер. Отчество Борисович Божнев получил после второго брака матери – с Борисом Гершуном, двоюродным братом знаменитого эсера-революционера. С детских лет Борис увлекался поэзией, музыкой, рисованием; среди приятелей его юности были Сергей Прокофьев (портрет композитора, подаренный Божневу, оказался в коллекции дирижера Геннадия Рождественского), Андрей Левинсон, Борис Шлецер. С 1919 года Борис Божнев жил в Париже, на обучение денег не было, он под-

рабатывал переписчиком нот. С 1923 года Божнев принимает энергичное участие в деятельности групп русских литераторов и художников во французской столице, с середины 1920-х публикует индивидуальные сборники и издается в коллективных.

Он довольно известен как «проклятый поэт» русского Парижа (сборник «Борьба за несуществование», 1925), молодой парижский авангардист (участвовал в поэтических группах «Палата поэтов» и «Через», выступал на вечерах вместе с французскими сюрреалистами), неоклассицист (сборник «Фонтан», 1927). Об этих сторонах его творчества писали и современники (Г. Адамович, В. Набоков), и исследователи (Л. Флейшман, А. Устинов, Л. Ливак, К. Поливанов).

Дебютный сборник Бориса Божнева «Борьба за несуществование» был внимательно и пристрасно прочитан эмигрантской литературной критикой.

Георгий Адамович:

«Есть люди, со страстной бережливостью охраняющие свои воспоминания, свои скудные надежды, короткие проблески счастья. Они дорожат своим крошечным „кусочком жизни“ и ни на что не согласны променять его».

«Литературные беседы». «Звено» (Париж). 28 февраля 1926. № 108

Евгений Зноско-Боровский:

«То там, то тут натыкаешься на отдельные строчки или на целые вещи, изобличающие то же грязное воображение, тот же неразделенный, болезненный эротизм <...> Бессильная, большая, безликая розановщина, писсуарная поэзия, говоря стилем автора».

«Парижские поэты». «Воля России» (Прага). 1926. № 1

Сергей Яблоновский:

«Все знают, как поэт восседает на треножнике, а Божнев, больной, очутился в другом месте, там, где все бывают, не рассказывая об этом ни в стихах, ни в прозе <...> Ведь для смерти нет пристойных и непристойных мест; она и здесь, в смрадном закутке, державит так же, как в палатце, или на поле битвы, или среди цветов. А чем же не тема – поэт, расплачивающийся с жизнью там, где сорваны последние покровы какой бы то ни было поэзии».

«Геройчик нашего времени». «Руль» (Берлин). 21 марта 1925. № 1307

Более других сочинений парижского поэта понравился критикам второй сборник – «Фонтан», наследовавший традиции Е. Баратынского и Ф. Тютчева.

В. Сирин (Владимир Набоков):

«Открываешь наугад, читаешь <...> и радуешься. В его стихах есть и мысль, и пение, и цельность. Некоторая извилистая неправильность фразы в ином восьмистишии создает своеобразное очарование, как бы передавая музыкально-воздушные повороты воды».

«Руль» (Берлин). 23 мая 1928

Юлий Айхенвальд:

«Философское течение всегда было заметно в прекрасном море нашей поэзии. Можно приветствовать и лишнюю струю в нем – книжечку г. Божнева, светлую струю стихов о струе фонтана».

«Сегодня» (Рига). 12 мая 1928

Георгий Раевский (Г. А. Оцуп):

«В новой книжке, в ее замкнутом цикле, заметна внимательная собранность <...> Хорош и пленителен для слуха непрерывающийся глуховатый голос, слышимый почти во всех стихах».

«Возрождение» (Париж). 5 января 1928

С конца 1930-х Божнев становится автором самиздата, выпускает свои сборники на старинной, часто нотной (например, на опусах композитора и шахматиста Филидора) бумаге и распространяет их посредством частной переписки. Когда началась война, Божневы уехали в Марсель, вели там полуподпольное существование (Элла Каминер, жена поэта (1907–1986) – еврейка), а в дни военных действий вовсе прятались в траншее.

Прованс стал местностью Божнева на оставшиеся тридцать лет его жизни. Марсельским адресом его была rue Senas, 15. В 1945 году супруги купили домик в Мане, Альпы – Верхний Прованс: летнюю свою резиденцию Божнев именовал Манной небесной. С 1947 года Элла Божнева большую часть времени проводила в Палестине с больной матерью. Прованское существование поэт афористически описывал в письме Гингеру: «Небольшое количество посредственной жизни в большом количестве величественных домов». В последние годы жизни старший поэт переехал в Марселе на rue du Bon Pasteur, 1 – в семью художника Жильбера Пастора. Божнев в равной степени был и художником. Он иллюстрировал свои самиздатовские книги, писал на заказ (например, эротические работы на сюжет о Леде и лебеде). Он собрал значительную коллекцию своих и чужих примитивов, планировал открыть музей, издать каталог, проводить выставки. В переписке с Гингерами он упоминает о переговорах с писателем Жионо, критиком Марионом и художником Бюффе о попытках заинтересовать правительство Монако и дирекцию фестиваля в Экс-ан-Прованс. Божнев был также антикваром – он собирал разрушенную старину, которую использовал в оформлении своей коллекции:

«Картина наклеена на картон, а на картоне – вокруг картины – например, старинные кружева – как рама кружевная. Или куски фарфора – или страусовые перья – или бархатце и дымка – или куски старинного дерева – или полусожженные бумаги – или разбитые граммофонные диски – или обрывки рыбацких сетей – или пробки от шампанского – или бисерные роскошные украшения – или бедные бусы и сломанные гребенки – или атласные бумаги – или огромные бумажные цветы с ярмаро – или кружева au crochet вперемежку с фарфором разбитым – или тряпки, о которые вытираю я свои кисти, – или бесконечные разные материи эпох Louis XV – Second Empire и т. п. и т. д.»

*Письмо А. Присмановой
от 2 декабря 1951 года*

Внешняя канва биографии Божнева не должна отвлекать читателя от сути. Божнев жил в больших городах и был «поэтом в большом городе». Можно сказать, что в стихотворениях Божнева отцветали бодлеровские «Цветы зла» и допевались верленовские добрые песенки без слов. Лирический герой Божнева погружен в напряженную общественную атмосферу современности, он является свидетелем борьбы исторических сил и социальных групп. Житель метрополии, он инфицирован лихорадкой городской суеты, вокруг него скачет современность, его переполняет злоба дня. Божнев и его лирический персонаж переживают кризис сознания, но именно это обстоятельство позволяет им почувствовать на своей шкуре полифоническую сущность восприятия мира.

Потому Божнев способен поэтически «полюбить» (т. е. описать) любой пустяк или нечто недостойное, позорное.

Муза Божнева словно раскачивается на качелях – от всеотрицания (на человеческом уровне) до всепринятия (на уровне литературном). Поэт борется за несуществование, ибо окру-

жающий мир ему неприятен, враждебен и отвратителен, но одновременно как раз этот окружающий мир питает неиссякаемый фонтан лирического вдохновения. Примером изложения таких взглядов могут послужить строки из неоконченной поэмы «Столик Блока» (1946), посвященные Божневым судьбе еще одного поэта и современника – Осипа Мандельштама:

Разбитый мрамор твоего лица
Был сослан в страшные каменоломни.
Полувенок клещей вдавил огромный
В чело два ржавых и тупых конца.

В эту книгу вошли произведения Бориса Божнева, написанные им в Париже 1920-х годов, который был плодом познания и яблоком раздора, средоточием мира, культурного строительства и морального разложения. Эмигрант поневоле, Божнев не забывал о родине, куда посылал – неведомыми путями – свои стихотворения, лишь недавно обнаруженные. Теперь, наконец, настал их час.

Константин Львов

1

Непорочное зачатие

Александру Блоку

Торжественное пожелал начать я
Сказание о том, как в тишине
Свершилось непорочное зачатъе
И ангелом я забеременел.
В те дни я был и хилым и негодным,
Страшился и печалился тогда,
Что, как смоковница сухая, я бесплодный
И не оставлю зрелого плода,
И на земле распаханной и тучной,
Среди волов, деревьев и овец,
Мне было непонятно и докучно
Не оттого, что я не их отец,
Но я болел в то солнечное время
И серым был, как солнечная тля,
Когда дождем вливалось в землю семя
И набухали черные поля,
И, не родив ни колоса, ни стада,
И семенем ничьим не заражен,
Уже не знал, кому молиться надо
Словами добрых и бесплодных жен...
И день пришел, прозрачный и весенний...
Средь стен церковных, коих не найду,
Казалось то простое воскресенье
Прекраснее всех праздников в году,
Столб солнечный сиял и колебался,
И голоса летели в купола,
И Мученик пронзенный улыбался
Ученикам, сидевшим вокруг стола,
А Дева кроткая, как девушка босая,
Что радуется птицам и заре,
Стремилась ввысь, над нами повисая,
И фимиам клубился в алтаре...
Но стало душно от людей и свечек,
Казалось, надвигается гроза,
И облака окутывают плечи,
И застилают пеленой глаза,
И, падая без памяти и силы,
Я закричал, не слыша голос свой,
И видел только крылья Гавриила,
Раскинувшиеся над головой...
И вынесли меня... Но воздух свежий

Не охладил горячее лицо,
И был священник, и крестьяне те же,
Но над каждым бледное кольцо,
А во мне суровый голос неба
Прислушиваться к чреву повелел,
И с земли я поднял крошку хлеба
И, ее целуя, просветлел...
О, братия, я плачу поневоле
И, сестры нежные, я вас к себе зову,
Но не от непереносимой боли, —
Я ждал ее и для нее живу.
Еще он в чреве слабый, как цветочек,
Как травка, и пылинка, и лучи,
Но тоненький стучится молоточек,
То сердце медленно его во мне стучит,
И слушаю, и слушаю биенья,
Потягиванья, судороги в себе,
Волнующие, словно песнопенья,
Звучащие в серебряной трубе.
Проходят дни, и приближают роды,
Когда отдам я жертвенную кровь,
И будут лить елей, масла и воды
На тело, умирающее вновь,
И в час, когда сие больное тело
Измучит ангел, – возликует дух...
Как с губ моих дыханье отлетело
Мой узрит взор, и озарится слух,
Что в воздухе благоуханье слаще,
И всё светлей сверканье чистых рос,
И я иду сквозь золотые чащи
Среди зверей, и птиц, и змей, и роз...

18/XI 1921, Париж

Борис Божнев. Без названия. Масло на дереве, перья

Стихотворения из книг «Обиды» и «Ежедневник» Париж, 1922 –1923

2

Есть девушки, как в седирах вдовцы

Есть девушки, как в седирах вдовцы,
и юноши, как в черных платьях вдовы...
О, девушку взять в нежные отцы,
о, юношу назвать сестрой суровой...
Есть женщины, как в церкви женихи,
мужчины есть, как под фатой невесты...
О, быть для тех, кто нищи и тихи,
службой покорным и хвалящим место...

3

Пишу стихи при свете писсуара

Пишу стихи при свете писсуара,
со смертью близкой всё еще хитря,
а под каштаном молодая пара
идет, на звезды и луну смотря.
Целуются и шепчутся... ах, дети...
а я не знаю, хоть совсем здоров,
куда глаза от объявлений деть и
всё думаю – как много докторов...
Проходит пара медленно и робко
через лунный свет и звездные лучи,
а я в железной и мужской коробке
вдыхаю запах лета и мочи...
Вздыхают и задумались... ах, кротко...
а я стою невидимый для них
над черною и мокрою решеткой,
все думаю – как мало не больных...
Журчит вода по желобкам наклонным
и моет дурно пахнувший фонтан,
но безразличны молодым влюбленным
и я, и смерть, и лето, и каштан...

4

Трава зеленая, как скука

Трава зеленая, как скука,
однообразная навек,
упала на землю без стука,
подкошена, как человек...
О, верьте мне или не верьте,
но я попятился, как ужас,
пред небом, что бледнее смерти,
и солнцем, что садится в лужах...

5

Хорошо, что на свете есть мамы

Хорошо, что на свете есть мамы,
братья умные, нежные сестры —
даже самый дурной и упрямый
любит близких любовью острой.
Хорошо, что есть кроткие дети,
есть и девушки или подростки —
значит, мы не напрасно на свете
доживаем до старости жесткой.
Хорошо, что есть добрые жены,
есть приятели или подруги —
каждый может, болезнью сраженный,
попросить о последней услуге.
Только тем, кто без ближних и друга,
очень плохо, но слову поверьте:
всем поможет простая услуга
нелюбимой, но любящей смерти...
из книг «обида» и «ежедневник»

6

Вниз по мачехе, по Сене

Вниз по мачехе, по Сене,
плыть под дождиком осенним,
вниз по мачехе, по Сене,
ко спасенью из спасений...
вниз по мачехе, по Сене,
плыть под ветерком осенним,
вниз по мачехе, по Сене,
без тревог и опасений...
вниз по мачехе, по Сене,
плыть под солнышком осенним,
вниз по мачехе, по Сене,
плыть и плыть до воскресений...

7

Ноябрьские тюфяки

Ноябрьские тюфяки
перестилаются над нами
движеньем ледяной руки
декабрьскими простынями,
и отсыревшие полотна,
свинцовым отблеском блестя,
натягиваются неплотно,
однообразно шелестя...

8

Стою в уборной прислонясь к стене...

Стою в уборной прислонясь к стене...
закрыв глаза... мне плохо, обмираю...
о, смерть моя... мы здесь наедине...
но ты – чиста... тебя не обмараю...
я на сыром полу очнулся вдруг...
а смерть... сидит под медною цепочкой...
и попирает... деревянный круг...
и рвет газеты... серые листочки...
из книг «обида» и «ежедневник»

9

Вода среди земли бежит

Вода среди земли бежит
гонимая, как вечный жид,
вода проворная, как мышь,
грызет и камни и камыш,
воды о, дева, берегись,
в ней улыбается Нарцисс,
покинув поле и сады
в руках несут букет воды,
вода густая капля яда,
а смерть – безносая наяда,
вода как светлый соловей
поет меж каменных ветвей,
воды струю легко лию
и слышу в ней Офелию...

10

Подобно крысам с корабля

Подобно крысам с корабля,
лист за листом, шурша угрюмо,
бежит из твоего, земля,
еще не тонущего трюма,
и мы, рассудку вопреки,
следим за тайным бегством этим,
и гибель ждем, как моряки,
и мужественно гибель встретим,
хотя деревья и кусты
не от морских ветров соленых,
как мачты сделались пусты
без парусов темно – зеленых,
хотя за волнами волна
не кораблекрушений лютых
дождями льются, льются на
борта земли и на каюты...
Но только листьям, только им,
понятно, что грозит нам вскоре,
и отчего мы так грустим,
плывя в сентябрьское море,
и, словно крысы с корабля,
лист за листом, шурша угрюмо,
бежит из твоего, земля,
еще не тонущего трюма...
из книг «обида» и «ежедневник»

11

Гуляю... градус или два мороза...

Гуляю... градус или два мороза...
январь... но мостовая не в снегу...
ах, лепестки навозной желтой розы
вдруг уронила лошадь на бегу...
И пахнет садом... или цирком душным...
но вижу я – нога над лепестком...
Прохожий! мы не конюхи конюшни —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.